

Екатерина Жданова

Штандер, ножик, цу-е-фа

Повесть в рассказах

москва 2018

УДК 82-93
ББК 84(2=411.2)6
Ж42

Оформление
ВАЛЕРИЙ КАЛНЫНЫШ

Художник
КАПЫЧ

Жданова, Е. И.

Ж42 Штандер, ножик, цу-е-фа : повесть в рассказах / Екатерина Иго-
ревна Жданова. – М. : Время, 2018. – 160 с. : ил. – (Время –
юность!).

ISBN 978-5-9691-1683-2

В один день всё изменилось в жизни семилетней Кати. Ей при-
шлось оставить родной дом, двор, друзей и начать новую жизнь
на новом месте по другим правилам. Оказалось, что у Жданчика
(так называют Катю в школе) есть замечательная старшая се-
стра. Старшая сестра взяла над младшей шефство. Она повела её
за собой, во «взрослую жизнь». И Кате теперь приходится самой
разбираться: где правда, а где ложь, что такое дружба, как это
больно – предательство...

Школа, семья, дворовые игры – всё нашло отражение в этой
книге, написанной «легко и живо, с юмором и тонким писатель-
ским чувством жизни» (А. Торопцев).

ББК 84(2=411.2)6

ISBN: 978-5-9691-1683-2

© Жданова Е. И., 2018
© Капнинский А., иллюстрации, 2018
© «Время», 2018

ШТАНДЕР, НОЖИК,
ЦУ-Е-ФА

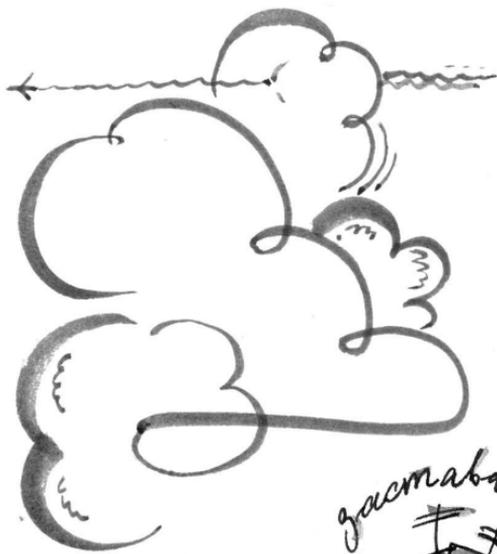
Я ВЕРТОЛЁТ СИСТЕМЫ НОВОЙ...

Меня забрали от бабы с дедой. Из квартиры, где я родилась, росла, где мои книжки и игрушки. Где летом я каталась на маленьких горячих карусельных лошадках в парке Прянишникова, а зимой со снежных горок на конёчках, которые деда привязывал мне бечёвками прямо к валенкам. Из обжитого, тесного и шумного детства я попала в мир холодный, неуютный, почти дикий. До свидания, толстый кактус, солнечный балкон и кресло-качалка... Соседи, подружки со двора, маленькие клёники, что мы с дедой посадили в мае... Бабушка, Грунька-кот — всё-всё, что я любила, — прощай. Моя ласковая, заботливая Абельмановская застава!

— Ну почему сразу «у чёрта на рогах»! — смеялась мама, обнимая плачущую бабушку. — В этом-то вся и прелесть! Никакой тебе цивилизации. Целина! Зато воздух, простор, лес рядом. То, что надо для счастливого детства. Да, Катерина?

Я кивнула, чтобы подбодрить всех. Ну, откуда мне было знать, что такое «никакой ци-ви-ли-зации»?

Степь открывалась глазам от конечной станции метро «Щёлковская». «Поезд дальше не пойдёт. Просьба освободить вагоны». Как выйдешь наверх — сплошная снежная пустыня. Лишь одинокая автобусная остановка да пара продрогших, как и мы, усталых попутчиков. А автобуса всё нет, нет и нет... Попуток тоже. Только чернеют вдалеке тёмные силуэты

Ассамблеялар
газмата

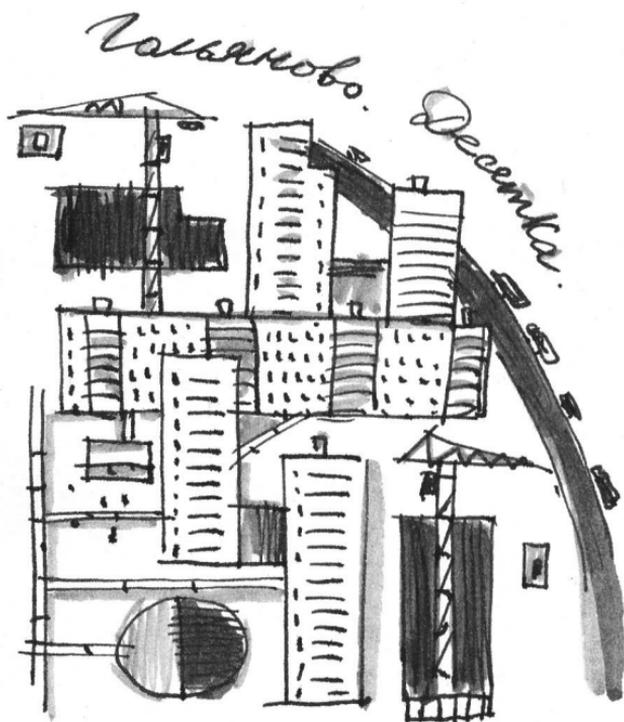

необжитых кварталов. Вот мама устанет крутиться, бить сапог о сапог и скажет вдруг, весело так:

— А пошли пешком? Во-о-он наши дома, видишь? Минут через сорок дойдём. Я горку тут одну отличную знаю, ледяную. А?

И мы, взявшись за руки, поскачем полечкой, а мама меня ещё и кружить начнёт вокруг себя:

Я вер-то-лёт, тарам-пам-пам,
Системы новой,
В полёт готовый,
Я вертолёт — тач-тач-тач!

Так мы смеёмся, пляшем и поём, продвигаясь вперёд к заветным огням десятки. Десятка – это десятый квартал Гольяново. А есть ещё девятка, восьмёрка и семёрка, и ватаги «наших» ходят драться с «ними» район на район. Но это я потом узнаю. А пока...

А пока мы катаемся со всех ледяных горок, встречающихся по пути. Я на пузе, а мама на обледенелой картонке, тут их много ребятами брошено.

А самый шик – это я тоже всё потом уяснила, – это квадратики линолеума. Их добывают в подъездах. Слабо? В каждой двери на площадке – глазок, а за ним злой дядька или тётка. Ух ты, вон уж сколько на полу чёрных дыр с косыми пятнами клея. Это отважные счастливики побывали уже тут до тебя. Смелей! Ну же! Они смогли. И ты сможешь. Осталось быстро подковырнуть отстающий уголок квадрата и рвануть. Хрясь! Теперь спрятать под пальто. И бе-

жать. Нет, топать нельзя. Что ж так лифт-то еле тащится! Где он? Уф! Не поймали.

И ты со свистом летишь, хохоча и улюлюкая, дальше всех. Вот уж и ледяная дорожка кончилась, а ты на своём квадратике всё подпрыгиваешь и вертишься, как планета Сатурн, героически прокладываешь для ребят на малышей растрёпанных картонках продолжение горки. Надо только загнуть вверх уголок квадратика и придерживать, чтоб он не зарывался в снег, и, мчась мимо завистливых глаз хорошистов-неудачников с портфелями, слегка откинуться и держаться, как ковбой в седле, непринуждённо. Тогда – да-а...

Наше Гольяново на самом краю Москвы. Через дорогу – уже одни поля и деревни. Вот тут и стала я жить с папой и мамой, а привыкать на новом месте было ой как трудно. А что делать?

Зато улица – Уссурийская. Правда красиво? По-таёжному так.

И ура! У меня теперь есть старшая сестра!

СЕСТРУХА

Нет, я и раньше знала, что Дашка где-то есть, но виделись мы очень редко, потому что жила она с мамой и папой, а я у стариков. Вот я и забыла почти, какая она. А она — замечательная.

— Здорово, сеструха! Ух ты, как вымахала. — Дашка села на корточки, расстегнула мне крючок и тугую пуговицу под воротником мокрой шубы. — Проходи. Вот наша комната. Тут я сплю, а ты — тут.

И стали мы жить вместе. Наши кровати рядом, через коврик с медведиками. Они пасутся на земляничной поляне.

Дашка большая, она уже в шестом классе. Я ей до плеча не достаю, даже если встану на цыпочки. Да! И все ребята мне завидуют, потому что Дашка сильная, смелая и независимая.

Знаете, как она катается на лыжах? Без палок съезжает с самых крутых гор, и папа то и дело покупает ей новые взамен сломанных. Она на коньках и на велике двухколёсном умеет. А я нет.

А ещё она ужасно весёлая и часто валяет дурака, да так, что её все мальчишки обожают. Она только с мальчишками водится. Говорит, что с девчонками скучно. С ними вообще не о чем дружить.

Мальчишки её научили плевать жёваной промокашкой через трубочку, проверять голубиные гнёзда на чердаках, проникать в подвалы, где полно диких котят и привидений. Она умеет свистеть, щёлкать пальцами по-цыгански и метать ножи в цель. А ещё — делать из пинг-понговых шариков дымову-

хи. Ух, они и воняют! Аж глаза щиплет. Тут уж надо на неё не любоваться, на дымовуху, а быстро дёрнуть ручку туалета и кинуть под дверь закрытой кабинки. Сразу такой визг начнётся, такое веселье!

Первым делом Дашка научила меня петь клёвую английскую песенку «Олд Макдональд хед э фам, ия-ия-йо!», все ребята в классе ходили за мной хвостиком с бумажками и карандашами, просили слова им написать.

Дашка носит синие протёртые джинсы, и все ей завидуют. В магазине таких не купишь. А с рук такие двести рублей. Их из Франции привезли папины друзья. «Шик-блеск с отлётом», – сказала мама. И палец большой оттопырила и даже посолила сверху как бы. Вот какие портки мировецкие.

А у меня простые техасы, детские, из магазина «Орлёнок». Но ничего, тоже хиппово. Я снизу их размухорила, бахрому распушила, как у ковбоев получилось. А если нашить заплатки и написать по-английски что-нибудь, вообще отпад будет. Даже лучше.

Ещё у Дашки есть проигрыватель. Она на музыке точно свихнутая. Может слушать одну и ту же песню весь день. И соседи страшно её за это ненавидят. А ей это всё равно, ей плевать. Она заводит в сто пятьдесят пятый раз: «Там, где клё-он шуми-ит над речной волной, говорили мы о любв-и-и с то-о-бой...», и звук на полную катушку. Даже мама однажды не выдержала, ворвалась в комнату и свернула этой музыке башку. Но Дашку этим не испугать. Не на ту напали. Она всё починила! Сама! Головка с иглой теперь примотана синей изолентой к лапке, а та – к простому карандашу.

— Хоп! Хей-хоп!.. Хоп! Хей-хоп. Хоп! Хей-хоп!.. — хором кричали пляшущие ребята и девчонки. — Хоп! Хей-хоп! Ха-ха-ха! Смоу-ук он дэ во-о-ота! Пумп-пумп-пум, umpa-пу-бум, пам-пам-пам па-ду-даа!

И тогда мама и папа стали удирать от нас из дома. Стали с друзьями по вечерам в лесу жечь костры, жарить колбаски на палочках и совершенно отбились от рук. Стали вести себя абы как, и уже на собрание в школу-то не загонишь, не идут ни за какие коврижки.

А нам весело. Кроме кроватей и коврика у нас есть окно с фиолетовой от сквозняка традесканцией, стенка для книг и одежды, секретер, за которым мы по очереди делаем уроки. Вернее, я делаю. Дашка не де-

лает, нет. «Я не собираюсь тратить на эту фигню свою молодую цветущую жизнь. Я расту! Я хорошею!» – говорит. Сейчас она бренчит на гитаре песню, которая мне очень-очень нравится. Там про лошадей. Их везли на корабле через океан, а корабль этот стал тонуть. «Тыщ-ща лошадей, подков четыре тыщ-щи счастья никому не принесли-и: миной кораблю пробило днище далеко от берега земли...» Я как представлю эти фыркающие мордочки, тянущиеся вверх, вперёд, и лошади плывут, плывут, стараются и изнемогают. Страшно. «И заржали кони, возражая тем, кто в океане их топил» – такие там были слова ужасные*.

Но у Дашки слова не ужасные никакие, и это меня злит. Песня рвётся и буксует, потому что не зажимается проклятое баре и звук выходит глухой, пукающий какой-то. На слове «возражая» Дашка топчется: возра... возра... жа... жжжа-йя, а у меня от такой натуги живот сводит, я всеми силами помогаю, чтоб она преодолела это баре-на-первом-ладу. Но нет. И снова и снова повторяется эта попытка.

У Дашки красные шершавые руки, цыпки такие, что кожа даже трескается. И тогда она морщится и прикладывает к губам лопнувшую кожу на костяшках и сосёт кровь. Это всё потому, что варежки у неё долго не живут, теряются и забываются. Мама сказала, что пришьёт их ей на резиночки, будут как у маленькой.

Сеструха умеет бесить взрослых. У неё на это много способов имеется. Если её прорабатывать решат,

---

* Здесь и далее строки из произведений известных поэтов героини воспроизводят по памяти. (Примеч. ред.)

вызовут на педсовет например, она будет нервно щёлкать пальцами. Палец за пальцем гнёт невинно, сустав за суставчиком проходит: щёлк! Щёлк, щёлк! Это невыносимо. Даже мама с ума сходит:

– Даша! Прекрати это! Опустит руки, что ты, как Кощей, костяшками хрустишь!

– Мазэ, кричать на детей – это непедагогично.

Ещё у Дашки постоянный насморк, потому что она не спешит домой после школы и обязательно промочит ноги, а то и вместе с дорогущими джинсами. А гуляет она «от зари до зари, от темна до темна» по всем дальним дворам и сырým перелескам, погрееется в подъезде у батареи, подсушит варешки, и снова вперёд, навстречу новым приключениям. И ватага ребят с нею, она у них командир.

Ей нипочём плохая погода, простуды она не боится. Она шмыгает носом, но продолжает мусолить сосульки и грызть снежки. Она причмокивает и делает вид, что это у неё мороженое. Я верю! Но только на минуту.

У кольцевой дороги ещё остались старые бревенчатые дома, свинарники, колхозные сады и огороды. Вот где летом раздолье! И свёкла, и картошка тебе, и зелёный горох с морковкой сочной. Воды из пруда зачерпнул, костерок развёл, тут тебе и обед. Эх! Свобода! Дашка обещала, что летом мы с мальчишками пойдём промышлять. И меня возьмут, если я буду молодцом. Я на шухере постою, а они будут грабить. Как романтично! Как в той песне, которую поёт Максимкин, Дашкин друг с шестого этажа: «Поспели вишни в саду у дяди Вани, а вместо вишен – один весёлый смех!»

МАКСИМКИН

Я сразу перескочу через несколько лет, иначе портрет Васи Максимкина не получится. Так вот: теперь будет мне девять лет, Дашке — пятнадцать, а Васе — семнадцать.

Васька Максимкин всегда в хорошем настроении, и за это я его люблю. Он всё время играет теннисными мячиками, тренируется. Как ловко! Кинет мячик, а тот от стен и потолка отрикошетит и снова у него. Потому что Вася — баскетболист юношеской сборной Москвы общества «Трудовые резервы».

У Максимкина красивое, нежное лицо, глаза, волосы, одежда — всё светлое. И он — представляете? — не курит! Но я люблю брюнетов, как Гойко Митич — Чингачук Большой Змей. А ещё от Васи всегда хорошо пахнет «Флореной», кремом таким для бритья.

На лифте Вася никогда не ездит, а на пробежку встаёт ровно в шесть часов, как по радио куранты пробьют.

У него шаг один — пять ступенек. Он очень громко бухает ножищами в кедах. Бу-бух, бу-бух — раз этаж, бу-бух, бу-бух — два этаж, и так до первого. Всего двадцать четыре бу-буха и один бух — от лифта. Двадцать пять шагов. И долго потом после него в подъезде хорошо дышится, а Бучке, с его нежнейшим собачьим носом, не нравится, он чихает от Васькиного амбре.

Он всё же странный. Зимой и осенью Вася ходит в одной тонкой ветровке, а шапку не наденет ни за что — причёска помнётся. А его родная бабка, та,

что сидит вечно у подъезда и всё про всех знает, не спорит, когда ей подружки-старушки зудят в уши, что внук у ней «форменный идиёт». Он просто очень закалённый – никогда не болеет. Правда, был один случай... Потом расскажу.

Да, Максимкин чудной. Например, возьмёт нашу кошку в свои огромные ручищи, положит на колени, лапы по швам, стиснет всю и дует ей в рот. И смотрит, как кошка отплёвывается. А потом как скажет сквозь зубы: «Смотри мне в глаза... Не лжёшь? А если проверить? Так! Танцуем танго. Нежно!» Бедная кошка!

Ну мы все, конечно, скорее кошку отнимать. А он ещё запихнёт кошку под водолазку и ну бегать от нас, ножищами своими по диванам, креслам и подоконникам, по всей квартире! Вот визгу-то, гоготу!

Потом он вдруг научился рыгать. Нарочно. Протяжно, длинно и раскатисто. И при этом он произносит: «Ва-а-а-ся». Это он отработал, чтоб девочек смущать при знакомстве. А то от них отбоя нет. Представляете, протягивает руку, здоровается, лёгкий наклон головы:

– Лиза? Очень приятно. А я Ва-а-а-ся.

– Придурок.

– И снова, очень прия-а-а-тно!

Он всех научил. Делается это так. Сперва надо глотать, глотать, глотать маленькие порции воздуха. И не выпускать. Когда желудок наполнится, он начинает: Ва-а-а... Это очень смешно и очень мерзко. Бьэ-э-р-р-Ва-а-а-ся. Рыгнёт и счастлив. Будто важное какое дело сделал. Глаза голубые, лучистые, ну – ангел. И парни ржут как лошади: «А скажи ещё чего-нибудь таким макарром!» Скоро все во дворе на-

учились рыгать и сосредоточенно упражнялись хором и вразной. То-то музыка была...

Я тоже научилась. У меня так замогильно получалось, скрипуче: Ка-а-а-тя! Но мать, как услышала, мне такую затрещину дала, что я не то что нарочно ры... это самое не могу, а и нечаянно стесняюсь. Во как.

На самом деле нам родичи всё разрешали, что не опасно.

Например, любой желающий мог войти в наш дом запросто, без звонка и стука, поскольку замка не было. А зачем он нам? Всегда кто-то есть дома. А на втором этаже живёт сотрудник милиции. А телефон нам только через пять лет проведут.

Вместо телефона мы стучали по батарее: три удара – Дашка, два плюс два удара – Васька, три плюс два – Лариска из седьмого «Б». Она живёт как раз над Васькой. Наш папа – нахимовец, а нахимовцы бывшими не бывают. Это он нас научил перестукиваться и показал флажковую азбуку. Но мы её забыли быстро, довольно муторное это дело – флажки. То ли дело перестук! Если услышал батарейную команду SOS, значит надо всё бросить и выйти на лестничную клетку на срочное совещание. А если оно затягивалось, можно плавно перетечь на кухню.

Каждый попавший к нам в гости мог съесть всё, что найдёт на плите и в холодильнике, мог получить медпомощь и утешение, излив своё горе в мамину жилетку.

Любой мог остаться петь песни под гитару допоздна и даже заночевать у нас, если о нём не вспоминают дома. Малышне разрешалось прыгать на диване, играть в войну, прятки, пускать мыльные пузыри, не

боясь испачкать ковры, потому что их и не было, а мебель была такая жалкая, что её и не жалко уже. Зато как это клёво — кувырнуться через подлокотники старинного дивана!

Разрешалось подтягиваться, зацепившись за антресоли, и даже рисовать на обоях, что с удовольствием и делали все наши друзья и подружки. Условие одно: чтоб было талантливо.

Однажды припёрлись Гала, Ксюша и Вовец — это самые придурочные и отвязные пацаны с нашего двора, второгодники и клоуны каких поискать. На самом деле они Галактионов, Ксешинский и Володька Иванов. По улице они ходили всегда втроём, друг на друге. Гала-толстожопик сажал к себе на плечи Ксюшу умеренной упитанности, а тот пристраивал себе на шею тщедушного, но дерзкого и шустрого Вовца.

Так они к нам и пришли в тот день замечательный, когда Дашка налила синюю гуашь в большой малярный лоток и думала нарисовать море на обоях, пальмы, чаек в небе и себя с гитарой. Как она в Анапе видела, на будке спасателей в лагере.

Вовец молча засучил рукава, погрузил руки в краску и хитрейшим образом подмигнул Ксюше. Негодяи быстро вспрыгнули друг на друга, как бременские музыканты, и Вовец прошёлся руками по стене, потолку и снова по стене. Получилось аккуратно и эффектно.

— Давай снимай носки! Дашка, разводи красную!

Гала снова усадил на себя Ксюшу, а тот ухватил за бока перевёрнутого Вовца, который аккуратноенько прошёлся крашеными пятками по потолку в обратном направлении.

